

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Судьба рукописи Изборника 1073 г. в XIV в.

В древней литературе рукопись и произведение едины. Печатание литературных произведений отрывало текст от бумаги (связь с пергаменом, «кожей», «телятиной» оборвалась уже раньше). В рукописи же каждый текст присущ только ей. Древнерусский текст слит с почерком, с инициалами и заставками, с ошибками переписчика, с «разночтениями», с приписками на полях читателей и владельцев. Эти приписки приобретают иногда особую важность, поэтому-то изучение древней литературы превращается на известном уровне («приземленном» в хорошем смысле этого слова, близком к реальности) в изучение рукописи, несущей на себе текст. Изборник 1073 г. это не Сборник болгарского царя Симеона, который в нем переписан, и не текст одной из последующих рукописей, где он снова трансформирован и «прикреплен» и закреплен в новом материале. Это, пожалуй, особое произведение — всегда индивидуальное. Поэтому переписчик как бы выступает за автора, говорит с читателем, требует от него поправок, осторожности в обращении с рукописью, бережного застегивания ее на застежки, чтобы в рукопись не проникла разъедающая пыль. Переписчик молит читателя о прощении за его описки и просит его молить. Его дело — святое дело, «подвиг» в особом, чисто русском значении этого слова, близкого которому нет ни в одном из европейских языков. Эта «спрессованность» текста, почерка, разночтений, приписок, материала, заставок и инициалов — создает особую атмосферу и особое богатство древней литературы. Чтобы по-настоящему почувствовать текст древнерусского литературного памятника, надо его читать в рукописи. Когда это невозможно (а для большинства читателей это, к сожалению, всегда будет сейчас невозможно), надо себе это представить, представить себе не только текст, но и его судьбу в пергамене или бумаге — с филигранями и разными почерками. Это один из аспектов реальности древнерусской литературы.

Для реконструкции текста сборника болгарского царя Симеона, послужившего протографом для Изборника Святослава 1073 г., необходимо полное текстологическое сличение между собой всех сохранившихся рукописей того же состава и выяснение всех фактов их внешней истории, в первую очередь древнейшей из рукописей — известного Изборника Святослава 1073 г.

До сего времени мы знаем о внешней истории рукописи Изборника 1073 г. только то, что она была найдена К. Ф. Калайдовичем во время

его первой археографической поездки в 1817—1818 гг. в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре, куда, как известно, особенно щедро жертвовал древние рукописи патриарх Никон. Однако кое-какие указания на свою судьбу может дать и сама рукопись Изборника 1073 г. На л. 122 об. читается в ней следующая приписка, сделанная почерком, отличным от остальной рукописи: «Благовѣрный и христолюбивый и священный епископъ Дионисий, первое болшимъ бысть должень штое».¹

В наиболее полном и авторитетном описании Изборника 1073 г., сделанном А. Горским и К. Невоструевым, об этой приписке говорится: «Проба пера, сделанная писцом XII или XIII вв.».² Прежде всего следует сказать, что перед нами вряд ли «проба пера»: приписка сделана аккуратным почерком; первая буква «Б» выведена инициалом. Рукопись Изборника парадная, и она не могла быть использована для пробы пера писца какой-то другой рукописи. Далее, может быть подвергнуто сомнению утверждение А. Горского и К. Невоструева, что приписка сделана почерком XII—XIII вв. Писец приписки стремился подражать почерку основного текста того же листа. Он сделал контурный инициал «Б», сходный с рисунком концовки на той же странице и с другими «малыми» инициалами рукописи в целом, стремился выдержать размеры столбца, к которому он присоединил свою приписку, и подражал в написании отдельных букв. Именно этим и следует объяснить архаический характер почерка приписки. Тем не менее поздние элементы вкрались в его почерк: в написание омеги, букв «есть», «рцы», «хер» (последние две буквы пишутся с перечеркнутыми мачтами) и некоторых других. Приписка вполне могла быть сделана в XIV или даже в XV в.

Обратимся к анализу приписки по содержанию. Приписка не закончена. Загадочным остается последнее ее слово. Однако то, что в ней имеется, весьма любопытно. Кто этот «христолюбивый и священный» епископ Дионисий, который «болшимъ бысть должень»? Из известных нам русских епископов до XV в. включительно единственный Дионисий — это тот самый епископ Дионисий Суздальский и Нижегородский, о котором говорится в другой, более известной приписке к знаменитой Лаврентьевской летописи 1377 г. При этом и в приписке к Изборнику 1073 г., и в приписке к Лаврентьевской летописи 1377 г. одинаково говорится о нем как о «христолюбивом» и «священном».³

Дионисий был киево-печерским монахом, затем архимандритом нижегородского Печерского монастыря. После этого он был поставлен епископом Суздаля и энергично добивался в 1377 г. возвращения Суздальской епископии Нижнего и Городца. К этому времени в связи с притязаниями нижегородского князя Дмитрия Константиновича на титул «великого князя» относится, как это показал В. Л. Комарович,⁴ написание Лаврентьевской летописи. В 1381 г. Дионисий ездил в Константинополь, где добивался признания Суздальской епархии второй (после Новгородской) архиепископией Руси. К лету 1381 г. Дионисий выслал из Константинополя две иконы Одигитрии для кафедральных соборов Суздаля и Нижнего Новгорода.⁵

В 1382 г. Дионисий с торжеством вернулся из Константинополя, получив архиепископию и вывезя оттуда много церковных ценностей, которые дол-

¹ Привожу текст приписки с раскрытием титлов.

² Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел второй. Писания святых отцев. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859. С. 374.

³ Лаврентий сообщает в своей приписке, что он пишет «и при епископѣ христолюбивѣмъ священномъ Дионисѣмъ» (см.: ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1927. Т. 1, вып. 2. С. 487—488).

⁴ История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 90—96.

⁵ Симеоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 131.

жны были подкрепить авторитет новой русской архиепископии. В летописи сообщалось об этом событии так: «Тое же зимы прииде изъ Царяграда на Русскую землю Дионисий, епископъ Суждальскый, а въ Суждаль приеха мѣсяца генваря въ 6 день и воду крестиль на Богоявление, а исправиль себѣ архиепископью, и благослови его вселенскый патриархъ Ниль и великая съборная апостольская церковь, и весь священскый вселенскый съборъ, повелѣ е зватися и быти архиепископомъ въ Суждаль и въ Нижнемъ Новѣгородѣ и на Городцѣ, и по немъ пребыти сущимъ въ тыхъ дѣлѣхъ такоже и инымъ епископомъ; еще вда ему патриархъ и вселенскый съборъ фелонь съ четырьми кресты, а стихарь съ источнику; еще же вынесе изъ Царягорода и Страсти Спасовы и мощи многихъ святыхъ».⁶

Упомянутые в летописи «Страсти Спасовы» были включены в серебряный реликварий. Этот реликварий был обнаружен московскими воеводами через 18 лет, в 1401 г., замурованным в стене Суздальского собора. Он также заключал надпись с упоминанием Дионисия и великого князя нижегородского Дмитрия Константиновича, по повелению которого и был сделан реликварий «в честь и славу святемъ страстемъ Христовымъ в лѣто 6 ное 8 сотъ 91 е индикта въ 6 тѣ» (т. е. в 1383 г. н. э.).⁷

Все эти иконы, реликварий, мощи святых, книги с надписями на них должны были укрепить церковный авторитет Нижегородской архиепископии, Нижегородского великого княжения, архиепископа Дионисия и его князя Дмитрия Константиновича.

В 1383 г. Дионисий вторично ездил в Константинополь. Из Константинополя Дионисий направился в Киев, но был арестован киевским князем Владимиром Ольгердовичем и умер в 1383 г.

Ко времени управления Дионисием Суздальской и Нижегородской епархиями относится подъем культурной жизни в Нижнем. Князь Дмитрий Константинович строит в Нижнем храмы. В Нижнем работает Феофан Грек. Не случайно, думается, сподвижник Андрея Рублева старец Прохор происходил из нижегородского Городца. Сам Дионисий был высокообразованным человеком, хорошо знал греческий язык. В Константинополе он произвел хорошее впечатление своей образованностью, знанием богословия и церковных канонов.⁸ Дионисий был близок с Павлом Высоким, проживавшим в Нижегородском Печерском монастыре и устройшим здесь нечто вроде лекций.⁹

Приписка в Изборнике 1073 г. могла быть сделана во время первой поездки Дионисия в Константинополь в 1381 г. или непосредственно перед ней. Только тогда Дионисий мог быть назван «епископом», а не «архиепископом», каковым он стал по возвращении. Слова «болшимъ бысть должень», очевидно, относились к ясно выраженной цели этой первой поездки в Константинополь: добиться архиепископии для своей епархии и быть признанным архиепископом.

Итак, при епископе Дионисии Изборник Святослава 1073 г. находился в Суздальско-Нижегородской епархии. Едва ли не сам Дионисий, бывший киево-печерским монахом в молодости и знавший киевские книжные ценности, привез его к себе из Киева.

⁶ Там же. С. 134.

⁷ Реликварий хранился впоследствии в ризнице Благовещенского собора в Московском Кремле. Надпись издана: Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.; Л., 1952. С. 94.

⁸ См. об этом: Соколов Пл. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913. С. 520 и др.

⁹ Симоновская летопись. С. 134.